

Елена СЕДУНОВА,
журналист, редактор
(г. Харьков)

«ПО ОСЕНИ — ПЕШКОМ...»

(интервью с С. Шелковым для еженедельника «Событие»)

Знаток точных наук и поэт, реалист и романтик, приверженец классической ясности стиха и метафорист, он построил свой «воздушный дом», войти в который может каждый не чуждый поэзии.

Совсем недавно вышел в свет его одиннадцатый поэтический сборник — «Стихии». Об этой книге и не только о ней — наше интервью с поэтом, прозаиком, педагогом Сергеем Шелковым.

— Сергей, мне памятливы Ваши строки об осени, которая «приходит с повинной / С поволокой в неверных глазах». Навевает «запах флоксов, дурман увяданья, / Бело-розовый дым октября». Что для Вас осень, или «мозаика осени», как называется одно из Ваших стихотворений?

— Осень — последний всплеск гармонии, предсмертный, но и обращенный к вечности период.

*Вкус прощенья и привкус прощанья,
Полудрема коры и зверья...*

осенью с необычайной остротой воспринимаются флюиды природы, словно подталкивающие к осознанию единства человеческого существа с мировой безъязыкой душой. Ловлю себя на том, что «человеческое, слишком человеческое» навевает на меня с течением лет уже и зима, а не только весна и лето. Хотя я не слишком люблю мокро-промозглую зиму, но в ней есть намек на очищение трудами, некое стратотерпие. В отношении же «лета красного», комаров и мух с Пушкиным расхожусь: они меня не беспокоят.

— О какой же поре чаще «случаются» стихи?

— Они зарождаются в любое время года. Облекаются же в завершенную форму гораздо чаще трудолюбивой зимой.

— С Вашей повседневной занятостью нечасто, наверное, вы-
даётся возможность прогуляться по осеннему парку?

— Нечасто. Тем дороже мне те минуты, когда с женой и лю-
бимым внуком удаётся побродить среди осенних деревьев лесопарка — «по осени — пешком». Или же пройтись, например, по одной из «самых харьковских» улиц — по Рымарской.

*На Рымарскую улицу вернемся
К листве лимонной черного двора.
В далёком дне средь осени проснемся
И снова будем молоды с утра...*

— Вы перешагнули пятидесятилетний рубеж, но, судя по Ва-
шим стихам, не утратили юношеских идеалов. Что явилось зало-
гом Вашей «долгой молодости», и где Ваши «повивальный град»?

— Я родился во Львове, а летние дни детства проводил в Лу-
ганске. Всё, что связано с ранним детством, помню очень ярко:
свои первые шаги, радостное приятие внешнего мира, напол-
ненного шорохами и запахами всего зелёного и ветвистого, что
произрастает из земли. Помню молодой дедов сад, который тогда
казался мне бескрайним. Из ощущения природной гармонии «во
плоти» уже тогда возникало стремление к ритмизованной речи,
к бормотанию то ли ямбов, то ли хореев, то ли анапестов. Мне ка-
жется, что не сравнимое ни с чем по остроте «чувство рождения»
не покинуло меня окончательно и до сих пор.

— После окончания инженерно-физического факультета Харь-
ковского политеха вы защитили кандидатскую диссертацию по
прикладной математике и механике и вот уже тридцать лет яв-
ляетесь доцентом кафедры динамики и прочности машин Нацио-
нального технического университета «ХПИ». Почему вы не выбра-
ли профессию литератора?

— В 65-м году, когда я окончил школу, литературоведение,
филология, журналистика были сугубо ангажированными про-
фессиями. Не хотелось мне — работать на заказ. Не хотелось ка-
кой-либо зависимости в дорогой для меня сфере общения с речью.
Я долго писал «в стол», ничего не публикуя, ревностно относился
к своим первым поэтическим опытам, избегая «предъявлять их
миру». Лишь на выпускном школьном экзамене по русской лите-
ратуре заполнил всю двенадцатистраничную тетрадь космогони-
ческой поэмой без всякой, впрочем, уверенности в том, что меня
поймут.

Мой параллельный литературной жизни *modus vivendi* — математический, физический, преподавательский — отнюдь не является чем-то чрезвычайным, из ряда вон выходящим. С точными науками дружил, к примеру, Андрей Белый, окончивший на заре минувшего века естественное отделение математического факультета в Московском университете. Не были только лишь профессиональными литераторами и медики Чехов, Вересаев, Булгаков, Дойл, Сомерсет Моэм.

— *Пробовали ли Вы свои силы в других видах искусства?*

— Последние лет десять увлекаюсь художественной фотографией, бывает, беру в руки кисть, что, впрочем, несколько лет назад делал намного чаще... Своими снимками оформил пять последних поэтических книг. Благо в саксонском Дрездене, когда читал лекции по литературе в институте славистики при местном университете, купил свою первую «мыльницу» — простенькую кодаковскую фотокамеру.

— *Какому же виду творчества Вы всё-таки отдаёте предпочтение?*

— Конечно, литературе. Я пишу всегда, даже, когда не держу перо в руке, и отношусь к этому делу своей жизни с любовью, порою — со счастливой любовью.

— *Недавний гость Харькова славист из Франции Жорж Нива, выступая в Чичибабин-центре, изложил небесспорную теорию взаимодополнения двух уровней в развитии современной культуры: «горизонтального», предполагающего знание каких бы то ни было художественных открытий в любой точке земного шара, и «вертикального», объясняющего появление новых художественных произведений в русле классических традиций. Актуальна ли, на Ваш взгляд, эта теория?*

— Думаю, что для Запада она более актуальна, чем для России и Украины. Наша отечественная культура богата устремленностью именно к корневым, родовым, фольклорно-глубинным духовным ценностям. Я был на встрече с Жоржем Нива в прошлом году, и мне не слишком понравилась его теория. Уже само определение горизонтальных культур ассоциируется у меня с травяным покровом плоского футбольного поля. Почему нужно предрекать отмирание корней? Почему не может быть культуры с полноценными и горизонтальной, и вертикальной координатами? Ведь всякие, даже самые удачные, гибриды и прививки жизнеспособны лишь при надёжной корневой системе. Полагаю, что наша отечественная литература всегда была сильна именно метафизической

традицией поиска и обретения Божьего замысла в человеке, творческим исследованием духовности и духовоборства. Именно этим для меня ценна, например, русская лирика серебряного века: Анненский, Ахматова и Цветаева, Мандельштам и Пастернак...

— *Вы были достаточно близко знакомы с Борисом Чичибабиным...*

— Я нередко бывал у Бориса Алексеевича дома, проводя с ним незабываемые часы в беседах о литературе. Знаменем в своей творческой судьбе считаю его рекомендацию в Союз писателей СССР. Щедрость и сердечность чичибабинских слов в адрес моих первых книг для меня незабываемы.

И сегодня, перечитывая его стихи, я вновь проясняю для себя те ощущения и мысли, которые возникали при живом общении с ним. Его творчество — это поэзия без лукавства, поэзия высокого духа.

В сборник «Стихии» я включил очерк о Чичибабине — человеке, поэте, духовборце. Главное для меня в нём — его светоносная творческая натура, его страстный поиск духа Божия и в стихах, и в человеке.

— *А какие чувства вызывает сегодня у Вас самый первый Ваш сборник «Всадник-май»?*

— До сих пор отношусь к этим стихам с просветлённым чувством и любовью, невзирая на то, что со временем моя стилистика претерпела существенные изменения. Те давние стихи дороги мне хотя и далеко уже не юношескими, но вполне незамутнёнными надеждами на лучшее, на «непостижимое совершенство» мира.

Вообще, мне кажется, что мои первые пять книг, выпшедшие до середины 90-х годов, исполнены более светлой и жизнелюбивой интонации. В последовавших за ними шести сборниках не могла не возникнуть реакция на тревожное состояние нашего социума последних лет. Вместе с тем в этих стихах, как и в моей душе, есть и упование на «первородную» исчезающую гармонию жизни, немислимую без поиска позитива в нелёгкой исторической ситуации:

*Сторона моя русая — правда моя погорелая!
Что и взять с тебя — водки пузырь да костей полведра?
Не за это люблю тебя.
Вот что от сердца я сделаю:
Снова вспомню своих — Иоанна, Николу, Петра...*

— Ваши поэтические сборники «Листы пятикнижья» и «Вечеря» были отмечены литературными премиями имени Б. Слуцкого и Н. Ушакова. Надеетесь ли Вы на успех недавно вышедшей Вашей книги «Стихии»? Что нового найдут для себя в нём ценители литературы?

— Поэзия и проза поделили страницы этой книги почти поровну. Стихи «Стихий» написаны главным образом за последние два года. В прозаическую часть книги вошли две работы о Борисе Чичибабине и Осипе Мандельштаме. А что до надежд на успех... Что ж, вспомню завершающие строчки одного из своих стихотворений:

*А жадных страстей оголтелость,
Поддельное славы вино?
Не то чтоб совсем расхотелось,
Но стало почти все равно...*

Два века тому назад на эту же тему высказался Александр Сергеевич: «Веленью Божьему, о Муза, будь послушна. / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно...» К этим словам и сегодня нечего добавить тому, кто посвятил себя странному делу «окликания звёзд». Разве что можно добавить четвёртую, последнюю строчку чеканной пушкинской строфы...

2003 г.